была одна очень странная деталь: ни слова не говорилось, о чем была эта «особо важная телеграмма», которую, угрожая револьвером, отнимал у телеграфиста Алексей Акимов.

Из письма Н.П.Лапкина, директора музея завода «Прогресс» (Куйбышев):

«Есть у нас в музее машинописная запись беседы А.Ф.Акимова с А.Г.Смышляевым, ветераном нашего завода, занимавшимся поисками материалов по его истории.

В протокольной записи этой беседы, состоявшейся 19 ноября 1968 года, со слов А.Ф.Акимова записано следующее:

«Когда тульский (ошибка в записи — уральский. — Авт.) губком решил расстрелять семью Николая, Совнарком и ВЦИК написали телеграмму с утверждением этого решения. Я.М.Свердлов послал меня отнести эту телеграмму на телеграф, который помещался тогда на Мясницкой улице. И сказал — поосторожнее отправляй. Это значило, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и ленту.

Когда телеграфист передал телеграмму, я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел. Пока шел до Кремля, Ленин уже узнал о моем поступке. Когда пришел, секретарь Ленина мне говорит: «Тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку»...

Итак, в Екатеринбург от СНК и ВЦИК (то есть от Ленина и Свердлова) пошла эта телеграмма «с утверждением этого решения» — о казни царской семьи.

В Екатеринбурге в этот момент уже шло к полуночи. Они все ждали ответа. И уже за полночь получив ответ, Голощекин отправил грузовик. Это и была причина, по которой, опоздав на два часа, только в половине второго ночи пришел грузовик с Ермаковым. Об этой задержке с досадой напишет в своей «Записке» Юровский.

Пока в Екатеринбурге ждали телеграмму, семья готовилась спать. Алексей спал в эту ночь в их комнате. Перед сном она подробно описала в дневнике весь день — последний день.

«3 (16) июля, вторник. Серое утро, позднее вышло милое солнышко. Вэби слегка простужен. Все ушли (на прогулку) на полчаса утром. Ольга и я принимали лекарство. Татьяна читала духовное чтение. Когда ушли, Татьяна осталась со мной и мы читали книгу пророка Авдия и Амоса».

Из книги пророка Авдия: «Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твоё, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь».

И, слушая эти священные грозные слова, вдруг затихла, задумалась Татьяна.

«Играли в безик с Николаем. 10.30 — в кровать...»

В это время к дому Попова подошли двое подвыпивших охранников. Это были стрелки Проскуряков и Столов.

Вчера была получка (мы это запомним). Они напились у знакомого милиционера и весело вошли в дом Попова. Но там их встретил начальник охраны Павел Медведев. Он был почему-то очень злой и с матом загнал их обоих в баню во дворе дома Попова. Ночь была теплая. Они улеглись и тотчас заснули.

Между тем охранник Якимов развёл караул. На пост номер 7, у дома, встал стрелок

Дерябин. Пост номер 8, в саду у окна в прихожую, занял стрелок Клещев. Якимов расставил посты и пошел спать.

Она закончила запись в дневнике — отметила температуру воздуха: «15 градусов». Это и стало последними словами.

Они помолились перед сном. Девочки уже спали.

В 11 часов свет в их комнате погас...

В доме Попова — напротив Ипатьевского, где на втором этаже жила охрана, на первом проживали обычные городские обыватели. Поздно ночью проснулись двое. Глухие выстрелы... много выстрелов — там, снаружи, откуда-то из-за забора того страшного дома. Ипатьевского дома.

И оба тихо зашептали друг другу:

— Слышал?
— Слышал.
— Понял?
— Понял.

Опасная жизнь была в те годы, и опасливы были люди, хорошо освоили они: только опасливые выживают. И оттого ничего более не сказали друг другу, затаились в своих комнатах до утра.

Об этой своей ночной беседе в ту теплую, пахнущую «ароматами садов» ночь на 17 июля рассказали они потом белогвардейскому следователю.

17 ИЮЛЯ.

УТРО В ИПАТЬЕВСКОМ ДОМЕ

Утро было хмурое. Но опять, как вчера, распогодилось, цвели сады — «аромат садов», как написал он.

По-прежнему неслись караулы вокруг Ипатьевского дома. Из монастыря в то утро опять пришла послушница и, как накануне, принесла яйца, сливки. Но в этот раз послушницу в дом не пустили. На крыльце ее встретила молодой помощник коменданта Нику-

лин. Продуктов он не взял и сказал: «Идите обратно и больше ничего не носите».

17 июля для непосвященных членов исполкома Совета Белобородов разыграл забавнейшую сцену под названием: «Сообщение о расстреле ни о чем не ведающей Москве».

Один из этих непосвященных — редактор газеты «Уральский рабочий» В.Воробьев — добросовестно описал эту сцену в своих воспоминаниях: «Утром я получил в президиуме облсовета для газеты текст официального сообщения о расстреле Романовых. «Никому пока не показывай, — сказали мне. — Необходимо согласовать текст сообщения о расстреле с Центром». Я был обескуражен. Кто был когда-либо газетным работником, тот поймет, как мне хотелось немедленно, не откладывая, козырнуть в своей газете такой редкой сенсационной новостью: не каждый день случаются такие события, как казнь царя! Я поминутно звонил по телефону, узнавая, не получено ли уже согласие Москвы на опубликование? Терпение мое было подвергнуто тягчайшему испытанию. Лишь на другой день, то есть 18 июля, удалось добиться к прямому проводу Свердлова. На телеграф для переговоров с ним поехали Белобородов и еще кто-то из членов президиума. И я не утерпел, поехал тоже. К аппарату сел сам комиссар телеграфа. Белобородов начал говорить ему то, что надо передать Москве».

(Надо было передать Москве, что в результате наступления белых и монархического заговора по решению Уралсовета расстрелян Николай Романов, а его семья эвакуирована в «надежное место»).

Это и передали:

«Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи точка документы в наших руках. Постановлением прези-

диума облсовета расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд Красной столицы Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы)... президиум облсовета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях...»

После чего начали ждать ответа из Москвы. Затаив дыхание, мы все качнулись к выплывавшей ленте ответа Свердлова:

«Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено. Извещение о расстреле должно последовать от центральной власти, до получения его от опубликования воздержитесь».

Мы вздохнули свободней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным».

А за день до того — 17 июля в девять часов вечера — посвященные члены Совета отправили посвященным членам Президиума ВЦИК следующую зашифрованную телеграмму:

«Москва, Кремль, секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации».

Эту телеграмму потом захватили белогвардейцы в екатеринбургской телеграфной конторе, и ее расшифровал белогвардейский следователь Соколов.

Но еще раньше, утром, они отчитались перед главой партии...

В 1989 году после первой моей статьи в «Огоньке» я получил прелюбопытнейшее письмо.

Анонимный автор писал: «В свое время, работая в Центральном партийном архиве в фонде Ленина, я видел странный пустой конверт со штампом «Управление делами Совнаркома».

На конверте была надпись: «Секретно. Тов.Ленину из Екатеринбурга. 17.07. 12 часов дня».

Из этой надписи легко было понять, что в конверте когда-то хранилась какая-то секретная телеграмма, которая была послана из Екатеринбурга ранним утром 17 июля, т.е. после убийства. На конверте стояла также роспись самого Ленина: «Получил. Ленин». Но самой телеграммы в конверте не было — конверт был пуст...»

Проверить это письмо я тогда не смог — в партийный архив меня категорически не пустили...

И вот новые времена, я сижу в бывшем Центральном архиве Коммунистической партии.

И передо мной лежит этот пустой конверт от секретной телеграммы с ленинским автографом о ее получении...

Есть что-то грозное в этом оставшемся свидетеле убийства — пустом конверте с грустиво вынутой телеграммой и такими ясными надписями.

Конверт от секретной телеграммы предоставлен для книги Эдварда Радзинского «Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Публикуется впервые».

Управление делами Совета Народных Комиссаров.

Секретно.

Тов. Ленину

из Екатеринбурга
17.07.12 - дня
Москва, Кремль.
№ _____
Алекс. Свердлову
получено 19.10. Руссе

вое, что встречалось попутно, я тотчас давал в печать. Если бы я жил в другой стране, конечно бы, этого не делал: это моя книга, мой хлеб. Но я нахожусь здесь и знаю, что все обратимо — и сегодня, и завтра. Поэтому спешил заполнить паузу. Результат был неожиданным. Пошла масса писем, расследование стало всеобщим. Я получал множество таких яростных писем, с такой жадной мнением, что понимал: я не могу печатать сейчас книгу под названием «Господи... Спаси и усмири Россию». Мне пришлось прервать начавшуюся публикацию в «Дружбе народов». Книга вернулась, как принято, кружным путем. Теперь — ее время. Оно разительно изменилось, мы даже себе не представляем, насколько: только в этой стране оно так быстро меняется.

— В этой связи возьмете ли вы на себя смелость сделать прогноз о будущем России?

— Любое пророчество подобного рода вызывает у меня лишь усмешку. Это непредсказуемая птица-тройка, народы, косясь, постанывают. Одно ясно: играть с нею опасно. Революция 1917 года возникла внезапно. Толпа вдруг вышла на улицы. Более того. Революция началась неожиданно даже для тех, кто ее готовил. Поэтому внушать народу, что ныне им управляют ничтожества, крайне опрометчиво. У страны есть традиции уважения к власти и одновременно — абсолютная, обязательная традиция пренебрежения к власти предыдущей, она ее сдувает, как пушинку с рукава. Всякие игры в неуважение, призывы разбудить народ и повести громить чреватые катастрофой. До сих пор с рук сходило. Десять раз может

сойти, но когда наступит полная тишина и замирение, толпа вдруг проснется. А если это случится, Югославия и Таджикистан покажутся шуткой. В России умеют и ненавидеть, и воевать. Что такое русский бунт, исчерпывающе объяснил Пушкин. Поэтому пусть маленькие люди не играют с большой страной.

— Итак, книга о последнем императоре выходит. А первый революционный царь тоже сулит неожиданности?

— Сейчас, как ни странно, о Сталине писать проще: страна к нему равнодушна. Но нет ответа на вопрос, каким образом этот палач, монстр и шизофреник собрал самую великую империю XX века под названием «социалистический лагерь» во главе с СССР? Как он сделал это из ничего, из мятежной страны, имея мятежную партию, интеллигенцию, которая еще вчера дышала воздухом свободы? Как создал из этого дисциплинарный отряд, пристегнул к нему все рабочее движение, заставил лгать Романа Роллана и Фейхтвангера — замечательные умы Европы, как обманул и победил Черчилля и Рузвельта? С чего все началось?

— Судя по всему, из двух драматургов с одинаковой фамилией остался один.

— Боюсь, второго уже не будет. Революция продолжается. Сталинская шинель, из которой мы все вышли, я в том числе, — на мне. Книга о Сталине вся будет состоять из новелл, сочиненных им же. Он был хот и не большой ученый, но большой сочинитель.

Ольга МАРТЫНЕНКО

ИЗДАТЕЛЬ

Время книги пришло

По мнению директора «Вагриуса» Владимира ГРИГОРЬЕВА, книга, которой Эдвард Радзинский отдал 17 лет жизни, — самое полное и убедительное документальное исследование, посвященное последнему русскому царю.

Несмотря на то, что на Западе вышло огромное количество книг о Николае II, новая работа Радзинского уже издана в 16 странах и пользуется небывалым успехом: это удивительно цельное произведение, сочетающее глубокий анализ и мощный эмоциональный заряд.

В 1991 году, продолжает директор, он напечатал отрывок из нее в «Огоньке». У нас, будущих организаторов «Вагриуса», работавших тогда в издательстве АПН, возникла идея опубликовать книгу полностью. Мы связались с Радзинским и с тех пор вместе занимались архивами, подбором иллюстративного материала, координировали издания книги за рубежом. На какое-то время публикация в «Вагриусе» была приторможена пожеланию автора: он не хотел воздействовать на чересчур политизированное общество.

Сейчас выпускаем сразу четыре варианта издания. Первое, и самое дорогое, — в вели-

колепном полиграфическом исполнении. Все экземпляры будут скорее всего пронумерованы и станут раритетами. Второе издание печатается в США для русскоязычной диаспоры. Бывшая «Межкнига» извлекает прибыль, продавая наши книги за границей, и на этот раз мы решили сами воспользоваться возможностью заработать валюту. Третье и четвертое издания в твердой и мягкой обложке пойдут в широкую продажу в России.

Конечно, наш интерес не ограничивался экономическим расчетом. Прежде всего нас увлек замысел автора. По сути, кроме Радзинского никто и не брался за раскручивание загадочной жизни и смерти последнего российского императора. Радзинский, пожалуй, единственный, кто воссоздал характер, внутренний мир этого человека. Автор ставит вопросы, над которыми мы никогда и не задумывались. Почему, например, белые, успешно продвигаясь по Уралу и Сибири, Екатеринбург просто обошли, не пытаясь спасти бывшего императора.

— Намерен ли «Вагриус» выпускать произведения, подобные труду Радзинского?

— Он сам уже пишет книгу о Сталине. Но если говорить об отечественных авторах, они вряд ли сопоставимы с Радзинским.

Татьяна АНДРИАСОВА